

ЧАСТЬ 1

ПАУТИНА

«Вход в цесарский дворец опутан паутиной»*
из Саади

Глава 1

Стамбул, 1522 г.

Когда в гареме Старого дворца появлялась новая юная рабыня, ее незамедлительно начинали обучать азам османского языка, принятого при дворе, и основам учения Корана. А также препоручали одной из распорядительниц гарема для подготовки к исполнению конкретных обязанностей.

Хюррем в наставницы досталась *кяхья***, хозяйка Шелковой комнаты, желчная черкешенка с лицом цвета дубленой кожи. Старуха все цеплялась за воспоминание о своей единственной бесплодной ночи с султаном Бая-

* Строка из Саади Ширази (1210–1291), которую, согласно преданию, в 1453 г. процитировал во Влахернском (Новом) дворце султан Мехмед II (1432–1481) по случаю взятия им Константинополя. — *Здесь и далее прим. пер.*

** Кяхья (*осман.* اي حك, *иск. перс.* ادخك [кетхуда] — хозяин дома, глава общины) — титул лица, занимающего пост старосты или распорядителя чего-либо; искажение в османском произношении вполне могло быть продиктовано подсознательным стремлением подчеркнуть (по созвучности) происхождение «хозяев» из древнейшего тюркского племени кайи (*осман.* كايي), давшего миру династию Османов; здесь — «начальница» в современном понимании.

зидом*, дедом нынешнего султана Сулеймана. С тех пор она коротала свои дни в гареме в роли главной портнихи, затерявшись среди гор парчи, дамаска и атласа, — но, по кротости нрава, не роптала.

Пальцы у Хюррем были ловкие, глаз — меткий, и носовые платки с ее вышивками снискали дошедшие и до нее похвалы самой валиде-султан, то есть матери султана. Работала она, тихо напевая, над вышивкой золотой и серебряной нитью по отрезу зеленого атласа из Дибы затейливого орнамента из листьев и цветов. Напев же этот девушка в детстве переняла у отца; это была татарская песня о степных просторах и северном ветре.

Вот и не услышала она, как сзади подкралась тихо вошедшая в комнату *кяхья*, а очнулась сразу от жгучей и звонкой оплеухи. В шоке отпрянув и выронив иголку, Хюррем замахнулась, чтобы дать сдачи...

Глаза *кяхьи* недобро блеснули:

— Ну давай, бей меня! Капы-ага тебе живо устроит *бастинандо*!

Хюррем опустила руку.

— И не петь мне тут, сколько раз тебе говорила! Это же гарем, и здесь всегда стоит полная тишина.

— Мне нравится петь...

— Тут имеет значение только то, что нравится повелителю нашему.

— Но его же здесь и близко нет сейчас. Можно хоть из пушки во дворе палить, и он об этом даже не прознает.

— Дерзкая проказница! — с этими словами *кяхья* вlepила подопечной еще одну пощечину, но на этот раз Хюррем была к ней внутренне готова. Правда, удар оставил пунцовый след на ее щеке.

* Баязид II (1447–1512) — сын Мехмеда II Фатиха («Завоевателя»), правивший в 1481–1512 гг.

Затем старуха подобрала платок и принялась высматривать изъяны в вышивке. Не обнаружив ни единого, она брезгливо бросила его обратно на лавку и приказала:

— Возвращайся к работе.

Светелку для вышивания Хюррем делила на двоих с вороньей масти еврейской девушкой. Куплена она была на невольничьем рынке в Александрии, и *кяхья* по этому случаю к ней иначе нежели по кличке «базарное мясо» не обращалась. На самом деле звали ее Мейлисса, и теперь Хюррем внимательно, хотя и краем глаза, наблюдала за тем, как та склонилась над собственной вышивкой, тщетно пытаясь затаиться и прикинуться невидимой за сорочками и чадрами, сложенными на столе перед нею. Но слишком уж заманчивую цель она собою являла для *кяхьи* в ее нынешнем настроении.

— Дай-ка посмотрю, — сказала *кяхья* и выхватила работу из рук Мелиссы. — Гляди сюда: лучшая парча из Бурсы, а ты ее испортила! — Размашистая оплеуха. — Ты чем думала-то?!

Мейлисса молчала, понутив голову. Старуха швырнула ее отрез материи на пол и приказала:

— Спарывай все до последнего стежка и начинай заново.

— Жирное смрадное дыхание из зада верблудицы, — прошипела Хюррем вдогонку *кяхье* и вернулась к вышивке, напевая громче прежнего.

Услышав позади придушенные всхлипывания, обернулась. Мейлисса плакала, уронив голову на руки.

— Нечего из-за нее так расстраиваться.

Мейлисса покачала головой и разрыдалась пуше прежнего.

— Мейлисса? — Хюррем встала и обняла ее за плечи.

— Это не из-за нее...

— Из-за чего же тогда?

И тут же прочла очевидный ответ прямо в глазах девушки. Ужас голый и дикий. Внушенный невесть чем или кем, но никак не *кяхьей*.

Мейлисса вглядывалась ей в лицо в поисках поддержки.

— Нужно же мне хоть кому-то сказать, — жалобно произнесла она.

— Уж мне-то ты можешь довериться, — сказала Хюррем. — Что бы то ни было, я никому не проболтаюсь.

— Они меня убьют, — прошептала Мейлисса, комкая подол кафтана.

— Скажи на милость, за что, иначе как я тебе помогу?

— Я беременна.

Хюррем подумала было, что ослышалась.

— Быть того не может, полная чушь, — проговорила она.

— Правда. Срок давно прошел, а крови все нет.

Хюррем рассмеялась. Забеременеть? В этой тюрьме?

— Мейлисса, все в порядке, всякое случается. Бывают задержки, бывает, месячные и вовсе не приходят. Это же не значит, что ты беременна.

Мейлисса покачала головой.

— Нужен же мужчина, чтобы забеременеть.

Мейлисса бросила взгляд за плечо Хюррем: не подслушивает ли кто? До этого мгновения Хюррем считала себя более опытной в мирских делах, но тут, когда всякая защита была отброшена, она вдруг усмотрела в Мейлиссе знание и хитрость, которых ранее за ней не замечала.

— Капы-ага, — шепнула Мейлисса.

Капы-ага! Капитан стражи и главный белый евнух. У Хюррем даже рот открылся от изумления. Хотя капы-ага и возглавлял стражу гарема, наедине с любой из поднадзорных дев ему оставаться было строго воспрещено, поскольку полным скопцом он не был — в отличие от евнухов-негров. Она слышала, что большинство белых евнухов кастрировали не полностью, а просто перевязывали или придавливали им яички, как ягням.

Она была ошеломлена. Покуда она сражалась с пониманием нового языка, считая себя всяко выше этой селянки, та изыскала себе путь на ложе.

— Говорят, мужчины бывают способны вроде как восстановить их, — сказала Мейлисса. — Даже черные. Потому их раз в год и проверяют, чтобы убедиться, что они у них заново не отросли.

— Чушь! Ведь когда жеребца оскопят, он так и остается мерином!

— Так белые-то евнухи — они же и не скопцы вовсе; им же их штуки не отбрасывают напрочь в отличие от нубийцев.

— Ну и где у тебя с ним это вышло?

— Да есть тут один дворик в северном крыле дворца — в окружении высоких стен под сенью платанов. Дверь в стене туда всегда заперта, но никогда не охраняется.

— И чем ты там занималась?

— Изучала Коран, как нам велено. Он меня, должно быть, заметил с северной башни. Я вдруг услышала ключ в замке. Хотела убежать, но тут...

Хюррем склонила голову в ожидании продолжения «но тут...», но Мейлисса лишь пожала плечами:

— Он сказал, что я самая красивая женщина в гареме. И что он поможет мне сделать так, чтобы султан положил на меня глаз.

— Сколько раз это происходило?

— Всего единожды. Может, дважды. — Глубокий вздох. — Шесть раз.

— Шесть раз! Да ты хоть понимаешь, что бы они с тобою сделали, если бы ты попалась?

— Так я ведь и так им попалась. Разве нет?

Тут Хюррем чуть задумалась о том, как бы она сама себя повела, если бы сидела в тенистом дворике над Ко-

раном, «но тут...». Даже смертельная опасность может показаться прельстительнее удушающей скуки дворца.

— Они меня собираются прикончить, — прошептала Мейлисса. — Завяжут в мешок и кинут в Босфор.

— Я тебе помогу, — сказала Хюррем. — Поверь мне.

Глава 2

Спальня была все той же, какой он ее помнил. Только через три дня после триумфального вступления в Стамбул Сулейман вновь почувствовал себя снова дома. Откинувшись на диван, снял и отложил в сторону шелковый тюрбан, нащупал и расстегнул защелку султанской короны.

Вот уже три года тому назад он унаследовал отцовский трон, но не переставал ощущать себя актером театра теней. И если поначалу думал, что это чувство пройдет, как только он привыкнет к новой роли, то сейчас понимал, что с течением времени оно лишь усиливалось. Даже в собственных дневниках он теперь величал себя в третьем лице.

Почему-то «носителем бремени» принято было называть его великого визиря. Но ведь великий визирь — не более чем ловкий жонглер в поисках баланса между лостью, расчетом и двуличием. А в действительности именно он, султан, несет на своих плечах воистину тяжкий груз ожиданий не только шести миллионов турок-подданных, но и всего исламского мира.

Лишь в тиши гарема находил он себе отдохновение. Сандаловое дерево горело в медных очагах, наполняя воздух умиротворяющим ароматом, отблески пламени расходились рябью по кафельным стенам. Ни тебе визирей, ни генералов, ни обязанностей.

Зато здесь есть Гюльбахар.

Тут он как раз и услышал шелест ткани, а в дальнем конце комнаты из-за камчатного занавеса появилась она — в прозрачной сорочке с двумя алмазными пуговицами, танцующими поверх ее плоти. Жилет из парчи; белый шелковый водопад шаровар; волосы, заплетенные в одну длинную косу, которая струится по спине.

Она подобна солнечным бликам на воде, подумалось ему. Гюльбахар — «Весенняя роза». Идеальное же имя тебе дали.

Она упала на колени и коснулась лбом ковра.

— Салам, Властелин моей жизни, султан султанов, повелитель мира, царь царей.

Султан нетерпеливо отмахнулся. Сколько раз можно повторять, что нет в этом нужды? Он — муж, вернувшийся домой, и никем иным тут быть не хочет этой ночью. Но она всякий раз приветствовала его все той же издревле устоявшейся фразой.

— Иди сюда, — позвал он.

Пробежав оставшиеся несколько шагов, она прильнула лицом к его шее. У себя под щекой Сулейман почувствовал влагу ее слез и вдохнул аромат сухого жасмина, исходивший от волос.

— Когда снега на минаретах не осталось, а ты не вернулся, я подумала, что уже никогда не вернешься, — проговорила Гюльбахар. — Мне без тебя было так страшно. Много ведь чего шепчут. — Она отстранилась от него и пристально взглянула ему в глаза. — Тебя ведь не ранили?

— Ни единого шрама не останется. Как Мустафа?

— Скучал по тебе. Он часто о тебе говорит.

— Дай с ним повидаться.

Гюльбахар взяла султана за руку и проводила через покои в спальню сына. На одном углу кровати в золотом подсвечнике горела свеча, за нею присматривал паж в тюрбане. Другой паж стоял в полутьме напротив него в ожидании. Всякий раз, когда мальчик во сне переворачивался с боку на бок, свечу на той стороне, куда он

оказывался лицом, тушили, а свечу за спиной у него зажигали.

Мужчина склонился над постелью. Светлыми волосами и умиротворенными чертами лица Мустафа пошел в мать. Этот высокий для своих девяти лет мальчик был преуспевающим учеником, одинаково искусным и в метании копья, и в усвоении Корана, и в математике.

«Следующий османский султан», — подумал Сулейман. Радуйся детству, пока можешь. И славно, что плечи у тебя растут широкие.

Какая же все-таки ирония в том, что сын его внешне так мало похож на него, а еще меньше — на турка, представителя народа, которым ему со временем предстоит править! Но в жены себе султаны брали девушек исключительно из неверных, поскольку Коран запрещал продавать в рабство мусульманок. Так что каждый султан был сыном рабыни, но тем не менее избранным свыше хранителем великой веры. Воистину велика была раскинутая Аллахом сеть.

— Он здоров? — спросил Сулейман.

— Крепок и силен. И больше всего желает походить на своего отца.

Он нежно погладил локон волос на лбу сына.

— Благословляю тебя, Мустафа, — сказал он. Затем обернулся к Гюльбахар. Ее силуэт был будто подчеркнут обрисован пламенем свечи. Прилив желания был подобен физическому удару. Ему захотелось овладеть ею немедленно. Но так не пойдет.

— Нам надо подкрепиться, — сказал он вместо этого.

Гюльбахар сама подала ужин — нарезанную кубиками тушеную баранину со специями, кусочки курицы, запеченные на медленном огне, и фаршированные рисом баклажаны. Затем был инжир в сметанном соусе. Пажи молча пополняли их чашки и миски.

— Что говорят в гареме? — спросил ее Сулейман. Сплетни его всегда развлекали.

— Говорят, ты герой, — ответила Гюльбахар. — Когда пришла весть о том, что ты взял Родос, все стали говорить, что ты войдешь в историю как великий завоеватель, подобно твоему прадеду. А некоторые говорят, что тебе судьбой уготовано и вовсе стать величайшим из всех султанов.

— Слава эта обошлась дороговато. Слишком уж много людей мы потеряли.

— Не нужно тебе об этом думать, — сказала Гюльбахар. — Наша армия скоро снова станет сильной.

Замечание это вызвало у него раздражение. Что она вообще знает об армиях? Он омыл пальцы в серебряной чаше с розовой водой. Паж тут же подоспел с полотенцем.

— При свете дня об этом легко забывается. Но в ночной тиши куда труднее не слышать их криков.

«Как мне это до нее донести? — думал он. — То, что я не такой, как мой отец или дед. Они же жили лишь войной и ради войны, а я — нет. И мне это бремя теперь придется нести в одиночку».

Глава 3

У ее собственного народа купание было не в чести, его чуть ли не страшились. Все знали, что оно чревато простудой, болезнью и смертью.

Но тут девушек заставляли купаться дважды в день и сбривать с тела все волосы до единого. Хюррем все это ненавидела от и до. Ей казалось, что турки будто специально нагромождают одно унижение на другое.

В банях было три помещения: раздевалка, зал для разогрева и большая парная в самом центре. Она разделась, одна из *гедычлы*, рабынь-негритянок, подала ей надушенное полотенце, Хюррем надела сандалии из розового дерева и отправилась в теплый зал. Посреди него вы-

сился массивный мраморный фонтан, из которого била горячая вода, подаваемая из котельной снизу. Вокруг бассейна сидели и стояли девушки, черпали из фонтана воду медными чашами и лили ее себе на головы. Хюррем присоединилась.

В степи все женщины внешне похожи до неразличимости. До попадания в гарем Хюррем и не догадывалась, насколько обширен мир и как он богат на самые разнообразные человеческие типажи. Вот и теперь, оглядываясь вокруг, она видела и будто выточенную из черного дерева *гедычлы*, и кареглазых гречанок с вьющимися тысячами колечек волосами, и златокудрых черкешенок с голубыми глазами и ярко-розовыми сосками, и персиянок с волосами цвета ночи и глазами глубокими и темными, как колодцы.

Оглядев себя, по-мальчишески тонкую и маленькую, она еще раз удивилась, как и почему выбрали сюда и ее.

Пар обжигал легкие и лип к коже шпарящей вуалью. Пот тут же проступил тысячами капель из всех пор. Гибкими ивами проступали из влажной горячей мглы и растворялись в ней девичьи фигуры. Тишину изредка нарушали лишь клацанье медных чаш да всплески воды из купелей.

Свет из высоко расположенных под купольным сводом окон рассеивался так, что пар и серый мрамор стен перетекали друг в друга до полной неразличимости границ, так что казалось даже, будто и нет тут вовсе никаких стен.

Хюррем погрузилась в купель потеплее и сомкнула веки, чтобы полнее испытать ощущение от воды, смыкающей объятия на ее плечах. Откинув голову на мраморную губу, она зачерпнула ладонью воду, омыла лицо и откинула мокрые волосы с глаз.

Тут вода вокруг нее всколыхнулась. По соседству на бортике купели нарисовалась высокая фигура светловолосой женщины, а при ней пара рабынь, черпающих

воду, омывающих тело и массирующих плечи. Сама же она сидела, откинувшись назад и уставившись в потолок, почти касаясь концами своих дивных волос мрамора позади нее. Гюльбахар.

Хюррем накрыла волна зависти. Ну почему, подумала она, имея всех этих женщин в своем распоряжении, султан выбрал именно ее? Она ли такая соблазнительная или это он настолько падок именно на ее чары?

Мраморные колонны с арками вели от парной к примыкающим покоям, где *гедычлы* всячески обхаживали и прихорашивали девушек — делали им массаж, досконально осматривали уши и носы, ноги и руки, лобки и промежности, дабы убедиться, что ни следа волосяного покрова на их теле не осталось. Хюррем давно перестала противиться этой непристойности.

Ее *гедычлы* звали Муоми. Это была угрюмая молодая негритянка с густыми и плотными донельзя кудряшками. Другие наложницы говорили о ней между собой только шепотом, подозревая в ней ведьму и всячески стараясь ее избегать. Ладони у Муоми были большие и сильные, а своими костяшками она добиралась до всех суставов и сухожилий и мяла их так, что девушки криком кричали.

Для начала Муоми размяла ей мышцы шеи и плеч. Хюррем, поглубже вдохнув и замерев, вытерпела. Затем негритянка принялась терзать ей мышцы спины.

— Говорят, ты ведьма, — сказала Хюррем.

— Кто говорит?

— Другие девушки.

— Их сюда берут за красоту, а не за ум. Они все тупы как верблюдицы.

— Так ты ведьма или нет?

Ладони Муоми продолжали бегать по ее спине. Ощущение было такое, будто она вгоняет свои костяшки между всеми ребрами и позвонками. Хюррем почувствовала, что у нее сейчас слезы хлынут из глаз ручьем, и закрыла ладонями лицо, чтобы их скрыть.

— Ну так ты ведьма или нет? — переспросила она.

— Была бы ведьмой, давным-давно бы сказала какое-нибудь заклинание и смылась отсюда.

С этими словами она обоими кулаками воткнулась глубоко в ягодицы Хюррем. Та стиснула зубы, чтобы не заплакать.

— А мышцы-то у тебя крепкие, прямо как у парня, — снисходительно признала Муоми.

— Да покрепче будут, — ответила Хюррем. — Я ведь почти и не почувствовала ничего.

Мейлисса застала Хюррем лежащей на спине, пока негритянка проделывала над нею депиляцию. Процедура заключалась в нанесении на кожу негашеной извести с последующим сбриванием размякших волосков острым краем створки раковины мидии. Груды девушки вздымались и опадали в такт с бритьем и дыханием. Щеки были мокры от слез.

— Ты в порядке? — спросила Мейлисса.

— Отныне Муоми — новый главный палач при нашем султানে.

Муоми, не обращая внимания на эту реплику, властно раздвинула ноги Хюррем и принялась тщательно обследовать ее промежность на предмет ненароком сохранившихся волосков.

— В чем смысл-то всего этого? — спросила Мейлисса. — Разве кто-то, кроме Муоми, хоть когда-то увидит, выбриты мы или нет? Султан уж точно в жизни не увидит.

— Мы должны быть всегда готовы, — ответила Хюррем. — Мы не можем себе позволить упустить золотую возможность из-за случайно пропущенного золотистого волоска!

Мейлисса, присев на мраморный бортик, будто на насест, понизила голос до шепота и сказала, положа руку на втянутый смуглый живот:

— Скоро проявится. — Глаза ее при этом наполнились слезами.

— Что с ней не так? — встрепенулась Муоми.

— Да просто припомнила, как ты ей в последний раз спину терла, — нашлась Хюррем и, схватив Мейлиссу за руку, шепнула ей: — Ни слова об этом тут!

— А что мне делать?

— Не волнуйся. Есть у меня один план.

Глава 4

За два месяца капы-ага успел испытать поочередно лютый ужас, трепетное ожидание и лихорадочное наслаждение. Он знал, что с ним сделают, если его секрет откроется. Но остановиться он теперь не мог. Ведь собственно секс, — а женщина эта была воистину красива, что делало ее вдвойне запретной, — был лишь частью того, чем он наслаждался.

К нему вернулась мужская сила!

По четвергам за час до заката она приходила в сад читать Коран. Все его существование теперь вращалось вокруг ужасающе-изысканного мгновения, когда он поворачивал ключ в ржавом замке двери и вступал в этот сад. Всякий раз, толчком распахивая дверь туда, он не мог знать наверняка, ждет ли его там Мейлисса с улыбкой котенка на устах или его собственные подчиненные с острыми как бритва *кылычами* наголо. Даже будучи начальником дворцовой стражи и главным надсмотрщиком гарема, капы-ага не смог бы остановить свору своих собственных псов, если бы те его раскрыли.

Железная решетчатая дверь с лязгом распахнулась, будто пушечным выстрелом прорезав тишину гарема. Начальник стражи прокрался внутрь, запер за собою дверь и бросил взгляд вверх, на северную башню. Единственным местом, откуда его могли заметить, была самая